

СЕМИОТИКА, СЕМАНТИКА, СИМВОЛИКА

БЕЙКЕР И ХАКЕР ПРОТИВ КРИПКЕ: ОБ АКТУАЛЬНОСТИ СТАРОЙ ДИСКУССИИ

© А. Е. Сериков

Сериков

Андрей Евгеньевич

кандидат философских наук,
доцент

декан философско-
филологического факультета

Самарская
гуманитарная академия

Критика Бейкером и Хакером скептических идей Крипке не настолько совершенна, как ее представляют некоторые современные авторы. Старый спор о следовании правилу по-прежнему актуален. Бейкер и Хакер не понимают самого главного в аргументации Крипке. Проблема следования правилу ими не воспринимается как серьезная, потому что основные нормы и значения кажутся им прозрачными и очевидными. Однако скептицизм Крипке направлен на понимание того, как вообще что-то может нам казаться само собой разумеющимся.

Ключевые слова и выражения: правило, следование правилу, скептицизм относительно правила, практика, нормы, институты, язык, языковые игры, индивидуальный язык, индивидуализм, коллективизм, смысл, знак, значение, интерпретация, действие, поведение, Витгенштейн, Крипке, Бейкер и Хакер.

Цель данной статьи – использовать дискуссию по проблеме следования правилу, начатую Солом Аароном Крипке, как эвристический источник идей, ведущих нас к более глубокому пониманию сущности человеческого действия и социальных (культурных) институтов. Я исхожу из разделяемого многими авторами убеждения, что дискуссия эта не закончена, поскольку ее участники так и не пришли к какому-либо общепринятому объяснению того, что значит следовать правилу. Мы все живем в мире правил, следуем правилам или действуем вопреки им, но так и не понимаем, как это возможно. А хотелось бы понять, поскольку это ключ к дальнейшему развитию теорий языка, социального вза-

Бейкер и Хакер против Крипке: об актуальности старой дискуссии

имодействия, культуры. Именно с этой, а не с логической или историко-философской точек зрения я предлагаю взглянуть на аргументы Крипке и его критиков.

Скептический парадокс

Книга Крипке «Витгенштейн о правилах и индивидуальном языке» вышла в 1982 г. В ней он обсуждает так называемый скептический парадокс Витгенштейна, который тот сформулировал в §§ 198–201 «Философских исследований». Чтобы напомнить, о чем идет речь, приведу небольшие отрывки:

«198. “Но как может какое-то правило подсказать мне, что нужно делать в данный момент игры? Ведь, что бы я ни делал, всегда можно – с помощью той или иной интерпретации – как-то согласовать это с таким правилом”. – Да речь должна идти не об этом, а вот о чем: все же любая интерпретация повисает в воздухе вместе с интерпретируемым; она не в состоянии служить ему опорой. Не интерпретации как таковые определяют значение.<...>».

«201. Наш парадокс был таким: ни один образ действий не мог бы определяться каким-то правилом, поскольку любой образ действий можно привести в соответствие с этим правилом. Ответом служило: если все можно привести в соответствие с данным правилом, то все может быть приведено и в противоречие с этим правилом. Поэтому тут не было бы ни соответствия, ни противоречия. <...> Существует такое понимание правила, которое является не интерпретацией, а обнаруживается в том, что мы называем “следованием правилу” и “действием вопреки” правилу в реальных случаях его применения.<...>»¹.

Как мне кажется, Витгенштейн говорит о том, что одно и то же практическое действие, решение задачи, будучи корректным с точки зрения следования правилу, может допускать разные, даже противоречащие друг другу интерпретации. Следовать правилу – это одно, интерпретировать его – это совсем другое, и поэтому интерпретации могут друг другу противоречить. Крипке же понимает парадокс Витгенштейна несколько иначе: он предполагает, что могут иметь место разные решения, «любой ответ, а не только тот, который даю я, соответствует правилу»². Нет такой интерпретации, которая гарантировала бы данное конкретное решение, и поэтому оно могло бы быть другим.

Было бы наивным утверждать, что мое или чье-то еще понимание Витгенштейна единственно верно. Несомненно лишь то, что Крипке существенно смещает акцент в обсуждении данной темы. Он сам пишет в начале своей работы, что «аргумент Витгенштейна рассматривается в ней в том ракурсе, в котором он поразил Крипке и создал для него проблему»³.

Независимо от того, насколько адекватно Крипке интерпретирует Витгенштейна, его постановка проблемы имеет самостоятельную ценность. Она позволяет более точно поставить вопрос о том, как люди решают, что кто-то следует или не следует правилу. Этот вопрос тесно связан с другими: как

¹ Витгенштейн Л. Философские работы. Часть I. М.: Гнозис, 1994. С. 162–163.

² Крипке С. А. Витгенштейн о правилах и индивидуальном языке. М.: Канон+, 2010 (примечание 1 на с. 47).

³ Там же. С. 18.

соотносятся интерпретации и практическое следование правилу, как процессы сознания соотносятся с поведением, должны ли определенные интерпретации сопровождать поведение, чтобы можно было говорить о данной, а не какой-то другой игре. То, как Крипке ставит проблему, позволяет взглянуть на эти вопросы по-новому. Например, взглянуть на интерпретации правила, как на часть практической игры, лучше понять механизмы изменения как интерпретаций, так и внешних аспектов следования правилу.

Крипке, в частности, явно указал на то, что обсуждение проблем математики и ощущений (ментальных образов) у Витгенштейна напрямую связано с обсуждением языковых игр, правил и невозможностью индивидуального языка. Для гуманитариев, далеких от естествознания, это особенно важно в отношении математики. Далеко не очевидно, что следование правилу в математике и общественной жизни может быть рассмотрено под одним углом. Скорее можно подумать, что речь идет о совершенно разных типах поведения и областях опыта, случайно объединенных словом «правило». Даже после Крипке тезис о социальном характере математических правил кажется далеко не очевидным. Во всяком случае, в книге Дэвида Блурра «Витгенштейн, правила и институты», вышедшей в 1997 г.⁴, он все еще выглядит оригинальным и провокативным, хотя Блурр и приписывает его Витгенштейну. Блурр начинает книгу с обсуждения этого тезиса не потому, что считает его оригинальным, но по той причине, что в случае доказательства социальной природы математики говорить о других областях человеческой жизни как традициях и социальных институтах намного проще. Тем не менее, этот тезис настолько расходится с привычной интуицией, что поражает воображение.

Суть скептической проблемы, как ее понимает Крипке, в следующем: «Что говорит мне, каким образом я должен применять данное правило в новом случае?»⁵. Крипке, таким образом, акцентирует внимание на *финитизме* как свойстве теории значения у Витгенштейна. Значения, которыми оперируют люди, ограничены конечным числом примеров, опыт конкретных действий в соответствии с правилом конечен, а область потенциального применения правила бесконечна. Человек следует правилу всегда в новых ситуациях, опыта которых у него нет, но каким-то образом справляется с неопределенностью. И эта загадка перехода от конечного к бесконечному требует решения.

Крипке придумывает эксцентричного скептика, который задает вопрос о факте. *Скептик сомневается, что может быть найден факт, на основе которого можно предпочесть одну интерпретацию правила другой.*

Допустим, кто-то считает, что $57+68=125$. Это правильный ответ, но только в том случае, если следовать правилам сложения (addition). Представим также, что существует операция квожения (quaddition), которая совпадает с операцией сложения, если каждое из слагаемых меньше 57,

⁴ Bluur D. Wittgenstein, rules and institutions. L., N.-Y. : Routledge, 1997.

⁵ Крипке С. А. Витгенштейн о правилах и индивидуальном языке. М. : Канон+, 2010. С. 70.

но дающая результат, равный 5, если хотя бы одно из слагаемых больше либо равно 57. Пусть знак «+» (плюс) обозначает операцию сложения, а знак «\$» (квус) обозначает операцию квожения. Тогда $57\$68=5$. Возникает вопрос, откуда мы знаем, какую именно операцию применяем, если до какого-то момента имеем дело с числами, меньшими 57. Может быть, мы просто используем знак «+» вместо знака «\$», и тогда $57+68=5$?

Скептик утверждает, что «нет такого факта – ничего такого, что было бы в моем сознании или в моем внешнем поведении»⁶, обосновываящего, что я подразумевал в прошлом одно правило, а не другое. Далее скептик расширяет свой тезис и говорит, что и в настоящем не существует фактов, подтверждающих правило моего поведения в данный момент. Если бы такой факт существовал, он должен бы быть таким, чтобы «оправдать мои будущие действия, чтобы сделать их неотвратимыми»⁷. Но такого факта не существует.

«...Ничто в ментальной истории моего прошлого поведения – даже то, что мог бы знать всеведущий Бог – не могло бы установить, подразумевал ли я плюс или квус. Но тогда отсюда следует, что относительно меня нет никакого факта, который конституировал бы, что я подразумевал именно плюс, а не квус. Да и как он мог бы быть, если в моей внутренней ментальной истории, или во внешнем поведении, нет ничего такого, что предоставит ответ скептику, который предполагает, что на самом деле я подразумевал квус? Если не было ничего такого, как мое значение плюса, отличное от квуса в прошлом, то ничего такого не может быть и в настоящем»⁸.

Здесь нужно сделать отступление и сказать, что Крипке не поясняет, как скептик понимает «факт», когда просит его предъявить. Необходимо уточнить, как скептик вообще может удостовериться, что какой-то факт существует. Если способа удостовериться нет, то говорить о факте вообще бессмысленно. А обсудить любой способ удостовериться в факте – значит обсудить правила, но последние имеют смысл, только если можно предъявить факт. То есть вся ситуация с самого начала абсурдна, если нет каких-то само собой разумеющихся оснований, от которых можно отталкиваться. Для начала любого обсуждения правил дискуссии нужно искусственным способом разорвать круг в рассуждениях, точнее, допустить его. Нужно начать рассуждать, несмотря на наличие круга, иначе мы никогда не сможем сказать и слова.

Видимо, какие-то факты и способы в них удостовериться молчаливо скептиком допускаются, и их можно выявить из самой ткани аргументации. Например, фактами в контексте обсуждения у Крипке можно считать конечное число примеров сложения, решаемых в прошлом. Это эмпирические факты, состоящие в том, что в таких-то конкретных задачах были получены такие-то решения. Речь также идет о фактах содержания сознания, которые мог бы рассмотреть Бог, всматривающийся в это созна-

⁶ Там же. С. 29.

⁷ Там же. С. 65.

⁸ Там же. С. 39–40.

ние. То есть, фактом для скептика будет то, что можно наблюдать либо в сознании, либо во внешнем мире.

Для скептика не существует лишь фактов, сопоставляемых с общей интерпретацией, с общим правилом (то есть скептик занимает позицию номиналиста). Если я говорю, что подразумевал что-то (какое-то правило), то это для скептика фактом не является. Точнее, скептик признает факт, что я следовал некой инструкции, алгоритму, то есть подразумевал некий текст и следовал ему на практике. Но он говорит, что слова текста могут быть интерпретированы разными способами, а конечное число примеров не может быть однозначно обобщено для бесконечного применения. Скептик требует указать факт, который мог бы подтвердить мое подразумевание. И такого факта, в том числе и факта моего сознания, с точки зрения скептика, нет.

Итак, под фактами сознания скептик понимает какие-либо явные указания, то есть инструкции, которые человек может давать самому себе⁹. Но скептик считает, что такие указания совместимы с разными правилами, поэтому такие факты не доказывают, что человек следовал одному правилу, а не другому.

Особое внимание Крипке уделяет критике *диспозиционизма*, то есть точке зрения, что люди или машины могут следовать правилу, потому что *предрасположены* к этому. Вопрос заключается в том, может ли устройство человеческого сознания и организма или устройство машины быть тем фактом, который просит предъявить скептик. Крипке утверждает, что нет, не может. Основные возражения Крипке против диспозиционной точки зрения сводятся к следующему:

- она не дает критерия отличия правильного и неправильного, уравнивает правильность и исполнение;
- она не объясняет перехода от конечного числа исполнений в прошлом к бесконечному числу возможных правильных действий в будущем;
- если речь идет о машине, машина работает согласно программе, которая сама должна быть интерпретирована по каким-то правилам, и далее мы попадаем в круг;
- физическая машина, как и организм человека, – это конечный объект, она выдает лишь конечное число решений, которые не могут быть обоснованием общего правила.

Думаю, что критику Крипке против диспозиционизма, даже если она совершенно справедлива, нельзя воспринимать как аргументы против того, что машины или человеческие тела к чему-то предрасположены. Они действительно предрасположены к определенным действиям, глупо было бы это отрицать. Аргументы Крипке направлены на то, чтобы *различить предрасположенность и следование правилу*, а также на то, что *предрасположенность не есть факт, о котором спрашивает скептик*.

Аналогично, Крипке пишет, что нет такого внутреннего впечатления, которое могло бы само по себе сообщить, как оно должно применять-

⁹ Крипке С. А. Витгенштейн о правилах и индивидуальном языке. С. 28.

ся в будущем. В этом он прав, но из этого не следует, что я вообще не могу в своих действиях опираться на свои образы и впечатления. Я могу на них опираться и опираюсь так же, как на свои предрасположенности. Просто из них не вытекает однозначного поведения в будущем. Оно и не может вытекать, потому что ситуации будущего не могут быть предсказаны однозначно. Любая машина и любой даже самый жесткий алгоритм выдадут непредсказуемое решение, если на входе будут непредсказуемые данные. Тем более непредсказуемыми являются решения гибких алгоритмов человеческого мозга. Однако это не отменяет существования алгоритмов и пользу их изучения.

В целом аргументация Крипке основана на том, что число фактов конечно, а возможные интерпретации бесконечны. Конечное число решений может быть описано несколькими различными правилами. Значит, если действия основаны на интерпретациях, никакие факты прошлого и настоящего не дают основания точно предсказать будущие действия. В принципе это следует из витгенштейновского различия между интерпретацией правила и следованием ему. К чему тогда дискуссия о фактах? Видимо, она возникает из необходимости уточнить, что значит практически следовать правилу. В терминах Крипке, *нельзя искать необходимые и достаточные условия следования правилу или то, в чем следование правилу «состоит»*¹⁰. *Это было бы поиском того самого факта, наличие которого отрицает скептик. Искать следует другое: «при каких обстоятельствах осуществляется приписывание значения и какую роль эти приписывания играют в нашей жизнедеятельности»*¹¹.

Точка зрения сообщества

Крипке считает, что важнейшим обстоятельством, необходимым для следования правилу, является наличие человеческого *сообщества*. Именно сообщество, в конечном счете, приписывает значения словам и действиям. Невозможно следовать правилу в одиночестве, и поэтому невозможен индивидуальный (приватный) язык, утверждает Крипке¹². Это связано с тем, что в спорных ситуациях только сообщество может решить, правильно ли используется слово, корректно ли осуществляется действие.

Действие может быть правильным или неправильным только тогда, когда законодатель и проверяющий не совпадают с тем, кто действует. Иначе в спорных ситуациях действие будет совпадать со склонностью и сама идея нормативности потеряет смысл. Конечно, человек может сам установить для себя правила, пользуясь языком, который он знает в качестве члена сообщества. Например, Робинзон на своем острове может следовать собственным правилам или действовать вопреки им. Но он мо-

¹⁰ Там же. С. 128–129.

¹¹ Там же. С. 128.

¹² Строго говоря, Крипке таким образом интерпретирует Витгенштейна. По поводу того, считал ли так сам Витгенштейн, историки философии спорят до сих пор.

жет делать это только в качестве бывшего члена сообщества. Практическое знание языка сообщества дает основу для действия в спорной ситуации. Если бы Робинзон использовал приватный язык, не опирающийся на известный ему с детства английский, у Робинзона не было бы критериев для правильного решения вопросов о том, что значит «красное», «то же самое», «опасное» и т. п. Любое его решение было бы правильным, поскольку задавало бы правила. Но в ситуации абсолютной приватности сама идея правильности (нормативности) потеряла бы смысл. Сообщество также само для себя задает правила, и поэтому сообщество всегда действует правильно, но отдельно взятый человек может ошибаться относительно правил сообщества. Последнее, соответственно, является источником нормативности относительно индивида.

Согласно Крипке, решение о том, что кто-то следует правилу, принимается экспертами, заключающими, что этот кто-то правильно действует, решает задачи, чувствует и мыслит. Правильно – это так, как склонны чувствовать, действовать и интерпретировать свои действия в данной ситуации сами эксперты. Свое поведение они определяют в качестве правильного просто на основании склонности, но решать так они могут постольку, поскольку ранее признаны другими экспертами в качестве опытных игроков¹³.

Если быть более точным, Крипке предполагает две версии того, как приписывается компетентность в игре (на мой взгляд, эти версии не противоречат, а дополняют друг друга)¹⁴. Первая версия – проверка членами сообщества компетентности игрока и принятие его на этой основе в качестве полноправного члена сообщества. Другая версия – изначальное восприятие человека в качестве члена сообщества и приписывание ему на этом основании компетентности. Это доверие он может оправдать, что чаще всего и происходит. Но если он будет вести себя неправильно, неправильно интерпретировать свое поведение и объяснять процедуры, испытывать не те чувства, что и другие люди, ему перестанут доверять и он будет исключен из сообщества. То есть, если упростить, одна версия заключается в том, что мы имеем внешние критерии и сначала проверяем, а потом доверяем. Другая версия заключается в том, что мы не всегда имеем внешние критерии и сначала доверяем, а затем иногда сталкиваемся с заведомо неадекватным поведением¹⁵.

Как мне кажется, Крипке ставит вопрос о самых глубоких корнях, самых последних основаниях значений слов и формулировок правил. И когда мы продолжаем размышлять в проложенном им направлении, мы убеждаемся, что значения никогда не формулируются однозначно и четко, поэтому для их уточнения в спорных случаях требуется мнение экспертов.

¹³ Крипке С. А. Витгенштейн о правилах и индивидуальном языке. С. 133, 148–149.

¹⁴ Там же. С. 152.

¹⁵ Эксперименты Гарольда Гарфинкеля доказывают, что и в последнем случае мы стараемся объяснить странности поведения исключительными обстоятельствами в рамках общего следования стандартным правилам.

В какое основание, в конечном счете, упираются значения слов: в фактическое устройство мира, человеческого организма, алгоритмы работы мозга или, быть может, в социальные конвенции? Существуют ли твердые фактические основания для наших взаимодействий, внешние по отношению к ним? Или правила взаимодействий зависят только от других взаимодействий?

Точка зрения Крипке заключается в том, что основанием для значений и правил являются конвенции. Это касается как тех значений и правил, которые задаются в эксплицитных общих формулировках, так и тех, что задаются остенсивно, простым указанием на примеры. Остенсивные определения – это тоже социальные конвенции. Мы просто говорим «делай вот так», молчаливо подразумевая, что вот это и это будем считать «тем же самым», а вот это «отличным». Например, вот эти, похожие формой и оттенком друг на друга цветы будем называть красными маками, а вот эти, той же формы, но чуть побледнее – розовыми.

Критика со стороны Бейкера и Хакера

Вскоре после выхода книги Крипке, его идеи подверглись массовой атаке со стороны известных оксфордских философов Гордона Бейкера и Питера Хакера. В 1984 г. вышла их книга «Скептицизм, правила и язык», целиком посвященная критике скептицизма относительно правила¹⁶. Они настаивали на том, что Крипке, во-первых, неверно истолковал идеи Витгенштейна, а во-вторых, не понимает, в чем суть следования правилу. При этом, считают они, мода на скептицизм вредна и требует «искоренения, а не просто игнорирования»¹⁷. Разгоревшаяся в итоге дискуссия расколола всех, интересующихся проблемой правила, на два лагеря: коллективистов, или сторонников точки зрения сообщества, с одной стороны, и индивидуалистов, считающих, что правилу можно следовать приватно, с другой.

Ход этой дискуссии неоднократно обсуждался в литературе, и вроде бы писать больше не о чем. Но проблема заключается в том, что в понимании сути правила многие следуют за Бейкером и Хакером просто вследствие их авторитета. Мне приходилось в современных научных журналах встречать высказывания, что такой-то автор следует идеям Крипке, а это неверно, потому что Бейкер и Хакер давно уже вскрыли заблуждения последнего. Тем не менее, сам Хакер в предисловии к недавнему русскому изданию их книги замечает, что спор, «который начал Крипке, продолжается до сего дня»¹⁸. Как мне кажется, этот спор есть смысл продолжать по той причине, что Бейкер и Хакер, а также их последователи не поняли Крипке в самом главном. И если это так, можно утверждать, что обсуждение скептицизма относительно правила по-прежнему актуально.

¹⁶ Бейкер Г. П., Хакер П. М. С. Скептицизм, правила и язык. М.: Канон: РООИ «Реабилитация», 2008.

¹⁷ Там же. С. 9.

¹⁸ Там же. С. 18.

Бейкер и Хакер критикуют работу Крипке по преимуществу с историко-философской точки зрения. Они показывают несоответствие интерпретации Крипке взглядам самого Витгенштейна, опираясь на детальный разбор текстов последнего, включая различные варианты рукописей. Тем, кто не посвятил всю жизнь изучению наследия Витгенштейна и не читал по-немецки его рукописей, трудно спорить с этим выводом Бейкера и Хакера. Однако и взгляды самого Крипке, безотносительно к Витгенштейну, оксфордские философы считают неадекватными. Бейкера и Хакера так возмутило неверное истолкование идей Витгенштейна и отвержение скептиком очевидной для них способности человека действовать по правилу, что они отказали Крипке в способности здраво мыслить. Вся его затея кажется им бессмысленной и вредной.

«Объемные исследования скептицизма относительно правила и различные решения мнимого скептического затруднения ведут в пустыню бессмыслицы. Если ступить на этот путь, миражи философского мифотворчества становятся неизбежными. И выбраться из этих пустошей стоит больших затрат, чем ступить в них»¹⁹.

Скептицизм якобы угрожает склонить нас к «абсурдным выводам, что язык, значение и понимание невозможны»²⁰. Скептик «делает вывод, что нет такой вещи как значение, а потому язык невозможен»²¹. Скептицизм «ведет к концептуальному нигилизму, который отрицает, что представляет собой такая вещь, как значение, и ставит нас перед лицом парадокса — язык невозможен»²². Мы видим, что Бейкер и Хакер повторяют свое опасение вновь и вновь. Но дело в том, что Крипке не отрицает существования значения, понимания и языка. Он лишь призывает поразмыслить о том, что они из себя представляют. Крипке не столько отвергает очевидное, сколько пытается понять механизмы очевидности, лежащие в глубине языковых игр. Да, человек может следовать правилу и реально следует многим правилам, было бы глупо отрицать этот факт. Но необходимо понять, как это возможно. В этом смысл работы Крипке, и в этом ее притягательность.

Бейкер и Хакер приписывают Крипке тезис о том, что человек не подразумевает и не предполагает вещей, которые взялся подразумевать или предполагать и о которых искренне говорит, что их подразумевает или предполагает²³. В их интерпретации все выглядит так, как если бы Крипке отрицал способность человека осознавать то, что он делает. Однако Крипке имеет в виду, что мы осознаем лишь конкретное действие или процедуру, и поэтому ссылкой на подразумевание нельзя возразить эксцентричному скептику. Ведь наши подразумевания конечны, и им в соответствие могут быть поставлены различные общие формулировки правила.

¹⁹ Бейкер Г. П., Хакер П. М. С. Скептицизм, правила и язык. С. 151.

²⁰ Там же. С. 8.

²¹ Там же. С. 30.

²² Там же. С. 68.

²³ Там же. С. 61–62.

Раз уж такие крупные специалисты, как Бейкер и Хакер, не смогли подойти к вопросам Крипке позитивно, думаю, что на грабли непонимания скептицизма кто-то будет наступать вновь и вновь. Поэтому есть смысл в том, чтобы истолковать Крипке как философа, который пребывает в здравом уме и твердой памяти. И если исходить из презумпции научной вменяемости Крипке, следует понять, зачем он выдумывает эксцентричного скептика и его вопросы (заметим, кстати, что эксцентричный скептик — это не сам Крипке).

Якобы простота вопроса

Приведу высказывания Бейкера и Хакера, демонстрирующие их отношение к вопросу о правиле в целом:

«В свете той легкости, с которой мы можем выяснить правила, скажем, шахматной игры или правила дорожного движения, или определить, что должно выполняться в соответствии с правилами, предположение, что то, что считается следованием данному правилу, в принципе не прозрачно, кажется странным, а не убедительным»²⁴.

«Философ, который упорствует в мысли об отношении понятого правила и о его неопределенной, неограниченной сфере применений как о глубоком таинстве, требующем создания изобретательных и изощренных теорий, не проник в богатое наследие философских исследований Витгенштейна»²⁵.

Итак, для Бейкера и Хакера в данной проблеме нет таинства. Например, все, что связано с употреблением слов, кажется им прозрачным, очевидным, само собой разумеющимся. Они считают бесспорным тот факт, что «каждый обычно сразу же понимает, что подразумевает данное слово»²⁶. В целом все верно: было бы глупо утверждать, что люди не понимают слов своего языка или правил тех игр, в которые играют. Также верно то, что игра по правилам может подразумевать способность объяснять эти правила. «Понимать значения слов сразу же — значит обладать составной способностью, а именно использовать слово правильно, объяснить, что оно означает, и осознанно реагировать на его употребление, когда оно произносится другими»²⁷. С этим трудно спорить, но у меня все же возникает несколько уточняющих скептических вопросов. Как выяснить, что конкретно понимает данный человек, и как установить соответствие его понимания правилу? Как быть в необычных обстоятельствах? А не может ли дело обстоять так, что, как-то понимая данное слово, каждый понимает его по-своему?

Чтобы выяснить, насколько корректно некто употребляет значение слов, пишут Бейкер и Хакер, нужно попросить его объяснить их.

«Конечно, эти объяснения не наведут мост через провал между значением и употреблением, правилом и применением. Но никакое объяснение любого вида не

²⁴ Там же. С. 5.

²⁵ Там же. С. 202.

²⁶ Там же. С. 14.

²⁷ Там же. С. 15.

могло бы этого сделать, так как этот "провал" категориален. Но то, что эти объяснения даются, *ceteris paribus*, обеспечивает адекватные основания для суждения о том, что подразумевает человек, знает ли он, что означает выражение, и означает ли оно то, что он под ним подразумевает. <...> Если он говорит: "Под «холостяк» я подразумеваю неженатого мужчину", разве этого не достаточно?"²⁸

Эти пояснения очень показательны. Бейкер и Хакер фиксируют наличие провала между значением и его употреблением, понимают, что мост через него наводится не объяснением, а практикой. Но это *практическое отношение кажется им само собой разумеющимся, а объяснение – адекватным и достаточным основанием для суждения о правильности действия*. Скептик же высказывает сомнения именно для того, чтобы понять, как конкретно осуществляется переход от объяснений (интерпретаций) к действию и к суждению о его корректности.

Бейкер и Хакер рассматривают случаи, где все кажется очевидным, поскольку фундаментальные значения слов не обсуждаются участниками взаимодействия. Но там, где с первого взгляда все кажется очевидным, скептик задает дополнительные вопросы. Эти вопросы имеют смысл при моделировании ситуаций непонимания, разногласия. Например, отсутствие какого именно брака подразумевает термин *неженатый мужчина*? Только официально зарегистрированного государством или и так называемого гражданского, то есть не зарегистрированного? А как быть с венчанием в церкви? А можно ли считать холостяком вдовца? А убежденного трансвестита? А юношу, который слишком молод, чтобы жениться? И какой именно возраст имеется в виду в этом контексте? У каждого из нас на эти вопросы будут собственные ответы. Как же тогда решить, что кто-то правильно употребляет слово и дает правильные объяснения, а кто-то заблуждается?

Одна из основных проблем для Крипке заключается в том, чтобы понять, что значит делать *то же самое*, поступать *тем же самым* способом. Тождество не является для него самоочевидным и устанавливается, в конечном счете, на основе мнения сообщества экспертов. Продолжать следовать правилу – значит делать то же, что делал раньше, но в новых ситуациях. Вопрос в том, как распознать *то же самое* в данной конкретной ситуации. Но для Бейкера и Хакера здесь проблемы нет. Они считают, что никакой новизны в очередном применении правила нет, потому что оно применяется всегда тем же самым способом, а что такое тождество, понятно всем:

«Но является ли применение слова "красный" к этому маку, который я никогда раньше не видел, новой предикацией, новым употреблением слова "красный" или новым применением правила (остенсивного объяснения) для употребления слова "красный"? Нет. Это ↑ [указание на пример] есть красное, мои занавески вот ↑ этого цвета и этот мак вот ↑ этого цвета. Правило применяется тем же самым способом»²⁹. «...Природа обуславливающих правил состоит в том, что будущие слу-

²⁸ Бейкер Г. П., Хакер П. М. С. Указ. соч. С. 70–71.

²⁹ Там же. С. 138.

³⁰ Там же. С. 140.

чай (типично) являются старыми случаями, что каждое применение правила снова делает то же самое»³⁰.

Отступление: пример затруднений с цветом

Поскольку Бейкер и Хакер постоянно ссылаются на простоту и очевидность восприятия цвета, сделаю небольшое отступление, чтобы привести пример возможного практического затруднения в этой области. Недавно я познакомился с замечательной книгой Мишеля Пастуро «Геральдика», в которой, в частности, описываются цвета гербов и флагов. Все геральдические цвета делятся на два класса: металлы (финифти) и эмали. К первому классу относятся золотой (желтый) и серебряный (белый) цвета, ко второму – червлень (киноварь, красный цвет), чернь, лазурь (голубой, синий), зелень и багрянец (пурпур). Список цветов является исчерпывающим, т. е. другие цвета в геральдике не используются. При этом они понимаются как абсолютные категории, независимо от того, какого оттенка краска используется в реальности³¹.

Главное геральдическое правило сочетания цветов запрещает соседство или наложение цветов одного и того же класса, т. е. нельзя сочетать металл с металлом или эмаль с эмалью. Эмаль накладывается только на металл и соседствует только с металлом, и наоборот. Этому правилу следуют 99% известных гербов и более 80% современных национальных флагов. Я заинтересовался этим вопросом из-за того, что бело-сине-красный российский флаг явным образом нарушает указанное правило. Как выяснилось, наш триколор наследует расположение цветов у древка стрелецкого знамени царя Алексея Михайловича (полотнище с синим прямым крестом, двумя белыми и двумя красными четвертями в шахматном порядке и двуглавым орлом в верхней белой четверти)³². Видимо, в Московском государстве XVII века либо не знали правил западной геральдики, либо сознательно их игнорировали по политическим соображениям.

Рассматривая в этом контексте гербы и флаги, я понял, что далеко не всегда могу решить, какой геральдический цвет обозначает данная конкретная краска. Во-первых, в разные времена один и тот же термин мог обозначать совершенно разные цвета. Во-вторых, трудность вызывает погранич-

³¹ Пастуро М. Геральдика / пер. с фр. А.Кавтаскина. М.: Астрель: АСТ, 2003. С. 45–48.

³² См.: Ульянов А. В. Русская символика. М.: Астрель, 2009. С. 193–194. Интересно, что «Самарское знамя» (братское знамя, самарское боевое знамя), изготовленное по предложению П. В.Алабина для болгарских повстанцев в 1877 г., соответствует геральдическому правилу сочетания цветов (сине-бело-красное полотнище с нашитым крестом с изображением святых) (там же. С. 174–177). Современный флаг города Самары – это братское знамя, на котором вместо креста нашит городской герб. В итоге, сегодня в Самаре мы можем наблюдать вывешенные рядом государственный бело-сине-красный и самарский сине-бело-красный триколоры, что иногда вызывает недоумение у тех, кто предполагает преемственность регионального и федерального флагов. Если не знать истории вопроса, можно подумать, что самарцы взяли за основу своего флага российский триколор, но перепутали порядок цветов.

ные случаи и смешанные краски, такие как сиреневый или оранжевый. В частности, в словарики терминов в конце книги Пастуро читаем, что термин «зелень» до середины XIV в. обозначал красный цвет, пурпур – это то же, что багрянец, а багрянец – это «эмаль серо-зеленого цвета (до XV в.), затем лиловый, фиолетовый или ярко-алый цвет»³³.

Возникают вопросы: если я вижу красный цвет, это багрянец, зелень или червлень? Если вижу серо-зеленый, это багрянец или зелень? Если вижу оранжевый, это червлень или золото? Если вижу цвет морской волны, это зелень, лазурь или пурпур? Конечно, для ответа на подобные вопросы можно применить некоторые дополнительные правила. Например, по общему виду герба и контексту его употребления сделать вывод о времени его создания и на этом основании решить, что серо-зеленый цвет в данном случае – это багрянец, а не зелень. Или, зная, что эмали в большинстве случаев сочетаются с металлами, но не между собой, решить, что оранжевый рядом с синим – это золото, а оранжевый рядом с белым – это червлень. Однако как быть, например, если оранжевый находится между белым и синим, между белым и чернью? Понятно, что было нарушено правило сочетания, но как трактовать данный конкретный цвет? На мой взгляд, есть только один выход – обратиться за помощью к экспертам с опытом подобных истолкований, сообщество которых может решить, какая трактовка более корректна. Например, где я вижу очень похожие оттенки, вот в этом конкретном гербе эксперты увидят один цвет, а вот в этом конкретном гербе – другой. И дело не в том, что я вижу, а в том, что я увидел бы, если бы был одним из них.

Идея внутренних отношений и критерии корректности

Как же сами Бейкер и Хакер описывают следование правилу? Прежде всего, они исходят из того, что между намерением действовать по правилу, пониманием правила, знанием критерия корректности и правильным действием существуют *внутренние отношения*. Ссылаясь на Витгенштейна, Бейкер и Хакер называют две характеристики внутренних отношений. Во-первых, «отношение между двумя сущностями является внутренним, только если немислимо, чтобы эти две сущности не находились в этом отношении». Во-вторых, «внутреннее отношение между двумя сущностями не может быть разобрано или разложено на пару отношений с некоторой независимой третьей сущностью»³⁴. Например, внутренним является отношение между желанием и знанием того, чего желаешь. Желать – значит знать, чего желаешь, и истинность этого знания не зависит от внешних обстоятельств³⁵.

³³ Пастуро М. Геральдика / пер. с фр. А. Кавтаскина. М. : Астрель : АСТ, 2003. С. 120–126.

³⁴ Бейкер Г. П., Хакер П. М. С. Указ. соч. С. 164.

³⁵ В связи с этим хочу заметить, что осознание человеческих желаний зависит от способов их вербализации, т. е., в конечном счете, от участия в человеческом сообществе.

Мне кажется, что идея внутренних отношений не столько помогает в раскрытии механизма следования правилу, сколько используется в качестве *магической формулы*, наподобие таких выражений, как «несомненно», «бесспорно», «безусловно», «очевидно». Ссылка на внутренние отношения позволяет уйти от обсуждения того, как именно связано понимание правила и его корректное применение. Поэтому объяснения Бейкера и Хакера выглядят поверхностными.

Проблема в том, что книга Бейкера и Хакера посвящена не столько теории правила, сколько критике скептицизма. Тем не менее, они исходят из вполне определенной собственной точки зрения, которая совпадает с точкой зрения Витгенштейна в их интерпретации и понемногу раскрывается в контексте критики. Постараюсь сформулировать их позицию максимально близко к тексту и приведу для этого несколько достаточно длинных цитат. Также попробую задать возникающие в связи с их объяснением скептические вопросы.

«Безусловно, только правило и ничего кроме правила не определяет, что считать согласующимся с ним, а что – нет. Отношение между правилом и тем, что согласуется с ним, является *внутренним*. Ибо правило, как оно разрабатывается и применяется на практике, обеспечивает стандарт для описания действий, соответствующих ему или его нарушающих. <...> Правило существует только тогда, если существует знак, используемый как выражение правила. Знак используется как выражение правила только в рамках практики. Эта практика включает понимание некоторого поведения как соответствующего правилу, а другое поведение – как нарушающее его, а соответственно и описание этого поведения»³⁶.

Здесь совершенно справедливая мысль состоит в том, что правилу соответствует некий знак, но Крипке этого и не отрицает. Он лишь утверждает, что одному и тому же знаку может соответствовать *разное поведение*. Другая верная мысль – о том, что практика включает понимание правила и какое-то описание (какой-то знак) этого поведения. Вопрос лишь в том, как выяснить в случае *конфликта описаний*, какое из них верное или кто из людей, практически понимающих правило по-разному, понимает его верно. Например, что значит быть хорошим добросовестным студентом? Допустим, мы формулируем правило, что это значит посещать занятия, выполнять задания, успешно сдавать зачеты и экзамены, выступать на конференциях и т. д. Но что конкретно иметь в виду под словами «посещать», «выполнять», «успешно», «конференции»? Интерпретации здесь могут быть бесконечными и в какой-то момент остановятся, потому что будет казаться, что все понимают одно и то же. Но если начать допытываться, такого понимания не будет. И на практике обязательно найдется студент, который будет сам себя считать добросовестным, в то время как другие с ним не согласятся. Менее очевидным является случай с соблюдением математических или шахматных правил, но Крипке показывает, что и здесь существуют подводные камни в виде значений, которые лишь кажутся само собой разумеющимися.

³⁶ Бейкер Г. П., Хакер П. М. С. Указ. соч. С. 17.

«В § 198 утверждалось, что связь между выражением правила и действием, которое рассматривается как согласующееся с этим правилом, фабрикуется, *inter alia*, воспитанием. Нас научили, что действовать *таким* образом в ответ на то-то и то-то правильно, а действовать иначе – неправильно. Мы объясняем и оправдываем это, а не другое, ссылаясь на правило, и т. д. Следовать правилу – это привычка; она включает регулярное использование выражения правил при воспитании, обучении, объяснении и подведении оснований»³⁷.

Проблема здесь в том, чтобы понять, что значит «*таким образом*». Как мы решаем, что действуем таким же, а не иным образом? Ведь мы действуем всегда заново, всегда в новой ситуации. Попробуйте применить правило сложения к числам, которые раньше не складывали, сыграть в шахматы с новым партнером, пересдать экзамен новому преподавателю. Во всех этих случаях и способ действия, и результат будут чем-то отличаться от прежних. А если речь идет о правилах исполнения танца, и вы танцуете на оценку? Или о молчаливо подразумеваемых правилах совместной семейной жизни? Как решить, что какие-то *нюансы* поведения существенны или нет с точки зрения «того же самого» образа действия?

«В § 201 отвергается не трюизм, что правила руководят действием (или что мы знаем, что наше употребление выражения согласуется со своим значением, или что мы действительно применяем выражения в соответствии с их объяснениями, т.е. правилами их употребления). Скорее, отвергается предположение, что правило определяет действие как согласующееся с ним только посредством интерпретации. <...> Поэтому следование правилу есть деятельность, *Praxis*. Неверной интерпретацией было бы принять, что здесь "*Praxis*" обозначает социальную практику. <...> Отметим, что в этом обсуждении ничего не говорится о каких-либо обязательствах относительно множественности агентов. Весь акцент – на регулярности, на множественности *обстоятельств* действия»³⁸.

Итак, интерпретация не противопоставляется практике, а сопутствует ей. С этим трудно спорить. Если скептик считает интерпретацию правила противоречащей практике следования правилу, он действительно экстравагантен. Но при этом он обращает наше внимание на действительно здравую мысль, высказанную Витгенштейном: интерпретации правила и практическое следование правилу необходимо различать, так как одной и той же практике могут соответствовать разные интерпретации. То есть не интерпретация противоречит правилу, а различные интерпретации одного и того же правила могут противоречить друг другу. Если существует только одна считающаяся правильной интерпретация, которую нужно уметь продемонстрировать в ходе практического следования правилу, то эту демонстрацию следует расценивать как часть практики. Эту предьявляемую на практике интерпретацию нужно, в свою очередь, отличать от различных ее собственных интерпретаций.

«То, как я использую выражение, то, как я объясняю выражение, то, как я использую объяснение в качестве нормы правильности (в неопределенно многих

новых и старых случаях), то, что я считаю применение выражения соответствующим его объяснению (его значению), показывает, что я под ним понимаю»³⁹.

Бейкер и Хакер подчеркивают то, что при наличии сформулированных правил частью практики их употребления является употребление объяснений этих правил. Например, на экзамене по математике или физике нужно не только уметь решить задачу, но и объяснить, как это сделал, опираясь на теорию. С этим никто и не спорит. Суть скептического аргумента не в том, чтобы отрицать важность объяснений в практике употребления правил. Проблема в том, что употребление объяснений – это разновидность практики следования правилу, которая нуждается в критерии корректности, как и любая другая практика. Объяснение – это речевое действие, критерием его правильности является другое речевое действие и т. д. Крипке хочет понять, каким образом останавливается эта дурная бесконечность. Его решение заключается в том, что объяснений более не требуется тогда, когда сообществу экспертов кажется, что и они поступили бы так же. Бейкер и Хакер не дают никакого позитивного решения проблемы, вероятно, потому, что не видят здесь самой проблемы.

«Значение слова есть то, что объясняется объяснением его значения. А это также – тот способ, которым слово употребляется в речи. Понимание значения слова сродни способности; оно представляет собой овладение техникой использования символа согласно правилам. Критерии понимания находятся в поведении, в использовании выражения в соответствии (в том, что *считается* соответствием) с его объяснением, с правилами его употребления и в задании правильных объяснений его значения (которые могут быть пример, пересказ, пересказ в контексте, остензия и т. д.)»⁴⁰.

Правило совсем не обязательно должно задаваться общей формулой, справедливо считают Бейкер и Хакер. Его можно сформулировать указанием на ряд конкретных примеров. Действительно, на практике чаще всего так и происходит. Но проблема скептика заключается в том, что указание на конкретные примеры не дает гарантии корректного применения в новых обстоятельствах. Поэтому скептик и требует указать факт, соответствующий общей формулировке правила. А так как этого факта не существует, он обращается к точке зрения сообщества. Если критерии понимания правила находятся в поведении, в употреблении выражения, возникает вопрос о том, кто реально может использовать эти критерии. Бейкер и Хакер считают, что это может сделать сам индивид. Крипке резонно замечает, что тогда индивид не сможет отличить суждение о корректности от собственной склонности.

«Ученик должен научиться использовать правило, объяснение значения как стандарт корректного употребления. Он должен научиться видеть такие-то и такие-то результаты как критерии следования правилу. И все это имеет место в рамках фонового контекста практики употребления правила этим способом. Если ученик должен овладеть разделяемыми всеми понятиями, ему необходимо научиться

³⁷ Бейкер Г. П., Хакер П. М. С. Указ. соч. С. 39.

³⁸ Там же. С. 48–49.

³⁹ Там же. С. 67.

⁴⁰ Там же. С. 81.

тому, что считать следованием правилу. И то, в чем состоит корректное следование правилу, нельзя описать более точно, нежели описать научение "поведению согласно правилу" <...> Ученик не получает права "судить, что новый ответ «корректен» просто потому, что это ответ, который он склонен дать" (при согласии других). Он корректен, если соответствует правилу. Мы можем говорить о соответствии правилу только в контексте регулярного употребления правила как мерил корректности⁴¹.

Бейкер и Хакер хотят сказать, что одной только склонности (диспозиции) не достаточно, чтобы считать действие соответствующим правилу. В формулировке правила содержится некая логика, которая не может быть нарушена при корректном употреблении просто в силу склонности действующего человека. Но и Крипке тоже критикует диспозиционизм. Он лишь уточняет, что логика правила, в конечном счете, формируется мнением сообщества и тот, кто считается экспертом в ее понимании, может действовать, исходя из своей склонности. Логика при этом не исчезает, но в свернутом виде присутствует в диспозициях эксперта. Если эксперт нарушает установленную сообществом логику, он либо демонстрирует свою некомпетентность и перестает считаться экспертом, либо становится законодателем новой логики и нового правила.

«...Понятие правила и понятие того, что согласуется с ним (что является корректным применением правила), внутренне соотносены. Понимание правила и знание того, что согласуется с ним, в этом отношении сродни намерению и знанию того, что будет исполнять намерение, или ожиданию и знанию того, что будет удовлетворять ожидания»⁴².

Здесь речь идет о внутренних отношениях между пониманием правила и знанием того, как его применять. Обратите внимание, что внутренние отношения правила разъясняются по аналогии с *единичными* вещами: конкретным намерением и конкретным ожиданием. Когда я в данный момент намерен что-то сделать, в том числе применить правило, я знаю, что именно я намерен сделать в данный момент. Скептик этого и не отрицает, он лишь сомневается, что на основе конкретных применений можно сформулировать *правило в целом* таким образом, что мы заранее будем знать, как именно его применять во всех новых ситуациях.

«Понимание правила выражается двумя дополняющими друг друга способами, в задании и объяснении формулировок правила и в применении правила на практике. Понимают ли два человека данное правило одинаково, обнаруживается не только в том факте, что они объясняют или интерпретируют его сходным образом, но также и в том факте, что они его идентично применяют»⁴³.

Это утверждение совершенно справедливо, но почти ничего не объясняет. Ведь вопрос заключается вот в чем: что значит применить формулу или ее интерпретацию *идентично*? Формула правила применяется на практике, но как решить, что применение соответствует формуле?

⁴¹ Бейкер Г. П., Хакер П. М. С. Указ. соч. С. 85.

⁴² Там же. С. 118.

⁴³ Там же. С. 121–122.

«Нет интерпретации, которая наводит мост между знаком и тем, что он обозначает или подразумевает, — это делает только практика. Мост наводится нашей практикой употребления правила (объяснением значения), чтобы ссылкой на правило конституировать норму правильности наших практик обучения и объяснения, критики и корректирования, оправдания наших применений выражения»⁴⁴.

«...Даже попытка следовать правилу требует некоторого понимания правила тем, кто нацелен ему следовать, некоторой концепции того, что значит рассматривать как действие в соответствии с ним. Понять правило — значит схватить внутреннее отношение между этим правилом и его (возможным) приложением. <...> При условии, что такое-то и такое-то правило существует, согласуется ли его действие так-то и так-то с намерением следовать этому правилу — зависит только от того, в чем заключается данное правило <...> Корректность и некорректность зависят от внутреннего отношения между правилом и тем, что считать согласующимся с ним»⁴⁵.

Здесь Бейкер и Хакер пишут, с одной стороны, что практика наводит мост между формулой правила и его применением (то есть переход от интерпретации к применению осуществляется актом применения), с другой стороны, что корректность применения устанавливается ссылкой на формулу и интерпретацию. Интерпретация сама по себе не гарантирует корректности. Но говорить о корректности можно лишь постольку, поскольку существует внутреннее отношение между интерпретацией и применением, которое при ближайшем рассмотрении схватывается в качестве некой *концепции*, в качестве отношения между правилом (т. е. формулой и интерпретацией) и тем, что *считается* согласующимся с ним (т. е. тоже интерпретацией). Поэтому мне кажется, что Бейкер и Хакер основательно запутались в понимании того, как устроено правило и следование правилу.

Робинзон и индивидуальный язык

Итак, Бейкер и Хакер считают, что правило само содержит в себе критерии корректности его применения. Эти критерии заключены во внутренней логике правила, в его формулировке и интерпретации, во внутреннем отношении между пониманием и применением. Поэтому, утверждают Бейкер и Хакер, следовать правилу можно и вне сообщества. Можно придумать для себя правило и следовать ему в одиночестве. Значит, считают они, индивидуальный язык также вполне возможен.

Посмотрим более подробно, как Бейкер и Хакер понимают практический переход от формулы и интерпретации правила к его применению. Обратимся к их рассказу рукописного текста Витгенштейна, в котором он обсуждает проблему узнавания цвета.

«...«Откуда я знаю, что это красное?» Склоняются сказать: «Я смотрю на это и вижу, что оно — красное». Но каким образом это бессловесное видение-того-что-это-есть-красное помогает мне, если я не знаю, что сказать, как выразить это «узнавание» в словах? Раньше или позже я должен перейти к употреблению вы-

⁴⁴ Бейкер Г. П., Хакер П. М. Указ. соч. С. 92.

⁴⁵ Там же. С. 124.

ражения. И в этот момент правила оставляют меня в разброде. Что это значит? Это значит, что правила несамоприменимы. Что раньше или позже я должен применить правило (они, так сказать, сами по себе витают в воздухе). Любое обучение с применением всех сил не поможет мне в этом отношении, ибо оно не может облегчить мне задачу применить правило, "осуществить скачок" и сказать "Это – красное" или *действовать* определенным образом, что одно и то же. Бесплезно пытаться поместить между видением объекта и высказыванием, что он является красным, фиктивное состояние узнавания, состояние "видения, что он такой", ибо теперь появилась бы необходимость в правиле для осуществления перехода от этого "видения, что он такой" к высказыванию, что он является красным⁴⁶.

Высказывание Витгенштейна, что нельзя следовать правилу индивидуально, Бейкер и Хакер интерпретируют в том смысле, что не может быть описанного выше приватного правила перехода от видения к высказыванию, от понимания правила к действию в соответствии с ним. Этот переход осуществляется без какого-либо правила. Человек просто реализует в действии свое понимание правила, в этом и есть суть практики.

«Не может быть правила, руководящего переходом от видения-того-что-это-есть-такое-то к высказыванию "Это – красное", потому что не может быть ни техники применения такого правила, ни нормативной регулярности в его употреблении, ни привычки применять слово всегда одним и тем же способом, ни практики (*infra*). "Индивидуальное" следование (кажуемся) правилу, мысленное остенсивное определение, предполагаемое гипотезой, что узнавание встречается между видением и высказыванием, – это обман, при котором следование правилу и мышление, что некто следует правилу, сводятся воедино»⁴⁷.

Обратим внимание на то, что невозможность индивидуального правила описывается Бейкером и Хакером в терминах, весьма похожих на скептическое описание невозможности правила вообще. Индивидуальное остенсивное определение невозможно для Бейкера и Хакера примерно по тем же причинам, по которым для Крипке невозможно указать на общую формулу публичного правила. Бейкер и Хакер приписывают скептику гипотезу, что между видением и применением встречается приватное правило. На самом деле скептик сомневается в существовании как индивидуального, так и публичного правила, если под правилом понимать нечто, не зависящее от суждения сообщества экспертов.

Скептическая идея фактически заключается в том, что, следуя публичному правилу, практический переход от интерпретации к действию осуществляют индивидуально, но суждение о корректности выносят на основе мнения экспертов. При этом, если речь идет о понимании фундаментальных основ языковой игры, физическое присутствие экспертов не обязательно. Достаточно, чтобы действующий сам был экспертом в родном языке настолько, чтобы с уверенностью осуществлять переход от простых слов к простым действиям. Эту уверенность он может приобрести только в сообществе, но затем может применять свои навыки и в одиночку, в том числе для изобретения собственных правил. Будучи индивидуальными на

⁴⁶ Бейкер Г. П., Хакер П. М. С. Указ. соч. С. 38.

⁴⁷ Там же. С. 41.

поверхности, они будут публичными в своих глубинных основаниях. Поэтому действующий по собственным правилам Робинзон рассматривается скептиком в качестве члена сообщества.

Я думаю, что можно говорить о существовании правил первого и второго порядка. Правила первого порядка – это фундаментальные основы языка и культуры, общие для данного сообщества. Правила второго порядка формулируются на основе правил первого порядка, которые принимаются как само собой разумеющиеся. Правила второго порядка, например, шахматные или математические, могут заключать в себе критерии применения, но лишь до определенного предела. Эти правила формулируются на определенном языке, и критерии применения в них содержатся лишь в той мере, в какой мы можем быть уверены в понимании языка, его отдельных слов, грамматики и т. п.

Если Робинзон сочиняет правила индивидуального поведения на языке, который выучил, еще находясь в сообществе, он может корректно следовать правилам, при условии, что он их сформулировал однозначно (в рамках данного языка) и записал. Но если бы он выдумал язык целиком с самого начала, не опираясь на какой-либо уже известный язык (это невозможно, но представим такую невероятную ситуацию), критериев для однозначности и правильности просто не было бы. В этом случае речь шла бы уже не о Робинзоне, а об индивидуальном человеке без Других, т. е. не о человеке вообще, а о каком-то другом существе. Но Бейкер и Хакер не имеют в виду такое абсурдное существо, они имеют в виду обычного человека, воспитанного в сообществе, а потом оказавшегося в одиночестве.

«Очевидно, люди могут обучиться языку только в человеческом сообществе. Очевидно, что все человеческие языки – это языки, разделяемые сообществом говорящих. <...> Оспаривается не это. Спор идет о том, является ли составной частью значения самого слова "язык" то, что на нем говорит больше, чем один человек; является ли частью самого значения фразы "следовать правилу", что существуют другие, кто также ему следует»⁴⁸.

Могу ли я решать математические задачи или разговаривать сам с собой, спрятавшись от всех в своей комнате? Очевидно, да. Будет ли отрицать это скептик? Очевидно, нет. Таким образом, спор в данном случае ведется фактически о словах. Думаю, есть много таких игр, где мы ведем себя на основе формул и их интерпретаций. Дело не в том, что формулы и интерпретации не важны, а в том, что на каком-то этапе интерпретации прекращаются. Витгенштейн пишет, что интерпретации прекращаются в какой-то момент. Крипке тоже говорит, что это происходит в конечном счете.

«Общий пункт скептического аргумента состоит в том, что, в конечном счете, мы достигаем уровня, где действуем без какой-либо причины, с точки зрения которой мы можем оправдать наше действие. Мы действуем решительно, но слепо»⁴⁹.

⁴⁸ Там же. С. 21.

⁴⁹ Крипке С. А. Витгенштейн о правилах и индивидуальном языке. С. 129.

Именно этот фундаментальный уровень действия обсуждает Крипке. Поэтому то, что для Бейкера и Хакера является само собой разумеющимся, для Крипке является источником проблемы, решаемой обращением к точке зрения сообщества. Или я неправильно понимаю Бейкера и Хакера (это вполне возможно), или они не видят той проблемы, которую обсуждает Крипке, и вся их критика «Крипке безотносительно к Витгенштейну» бьет мимо цели.

Заключение

Критика Бейкером и Хакером идей Крипке дает возможность лучше понять скептическую аргументацию последнего и выявить преимущества точки зрения сообщества. Одно из них заключается в возможности объяснить тайну перехода от конечности определений и существующих примеров правила к возможности его бесконечного применения. Другое – в том, чтобы объяснить принудительность правила, его отличие от простой склонности, не обращаясь к мистике платонизма.

Правило опирается на ситуацию, а она всегда новая. Формула правила предполагает описание условий его применения, иногда явное, иногда неявное, само собой разумеющееся. Применение правила – это применение того же самого правила в похожих, но всегда немного новых условиях. Или это применение похожего, но всегда немного отличного правила (если в данных условиях его само собой разумеющиеся предпосылки слегка меняются). Поэтому утверждать, как это делают Бейкер и Хакер, что проблемы здесь нет, неверно.

Бейкер и Хакер совершенно верно указывают на внутренние отношения между намерением и знанием того, что намерен делать, между пониманием правила и знанием того, какие действия считаешь ему соответствующими, между этим знанием и соответствующим действием. Но эти отношения существуют лишь в данном конкретном применении правила в данной конкретной ситуации. Бейкер и Хакер правы в том, что объяснения правила могут составлять часть следования правилу и проверка понимания может состоять в том, чтобы уметь объяснить логику правила. Но нужны критерии правильности объяснений и правильности перехода от понимания логики правила к практическим действиям.

Эти критерии коренятся в институциональных конвенциях. Я действую так, как предрасположен, и сопровождаю действие интерпретациями, к которым предрасположен. При этом может осуществляться семантическая девиация, так как мои действия заранее не предсказуемы. Если другие участники игры воспримут их как нормальное продолжение данной игры, мои действия пополнят множество легитимных примеров. Если другие найдут мои действия или интерпретации неверными, их будут рассматривать либо как ошибки в данной игре, либо как начало новой игры. Если новая игра приживется, может случиться так, что, фактически играя в новую игру, кто-то будет думать, что играет в старую.

Особенно актуальными скептические вопросы становятся в контексте социальной теории, которую интересуют не столько отдельные действия

индивидов, сколько взаимодействия. Один из взаимодействующих обычно предполагает, что другой действует по определенному правилу. Второй предполагает это относительно первого. Взаимодействия могут продолжаться неопределенно долго, прежде чем кто-то из них выяснит, что его предположение было не совсем верным. Во-первых, мы предполагаем правила там, где их, возможно, нет. Во-вторых, мы предполагаем не всегда те правила, которые предполагает партнер. Но при этом действуем так, как если бы в совершенстве понимали друг друга. В этом суть социальных институтов и общества в целом.

Правила имеют, как минимум, два уровня. Это уровень действий в соответствии с определенными прозрачными для всех членов сообщества вербализованными интерпретациями и невербализуемый уровень само собой предполагаемых представлений. Есть игры, где первый уровень весьма объемный, а есть такие, где его почти нет. Есть правила, которые извлекаются исключительно из практических образцов без каких-либо вербальных формул. Есть правила, где такие формулы играют исключительно важную роль. Но эти формулы, в свою очередь, используют представления, опирающиеся на практические образцы и остенсивные определения. Когда интерпретации и оправдания останавливаются? Когда доходят до представления, которое, как кажется, должно быть очевидным для всех. Но в том и проблема, что очевидное для одного не всегда является таковым для другого.

Итак, в нашем мире существуют факты конкретного применения правил, конкретных действий в соответствии с правилами, пояснений правил на конкретных примерах. Эти применения и остенсивные определения не содержат в себе исчерпывающих указаний на то, как именно данное правило может применяться в других обстоятельствах. Также существуют общие формулы правил, являющиеся их своеобразными развернутыми знаками. Эти формулы или абстрактные интерпретации не содержат в себе всех нюансов значения, которые бы разъясняли в деталях, как данное правило должно применяться на практике. Также существует социальная практика следования правилам, в ходе которой эксперты выносят решение о том, что кто-то действует корректно или с нарушением правил. Но в нашем мире не существуют общие правила сами по себе, не укорененные в человеческой практике и не зависящие от изменчивого мнения большинства экспертов. Если бы они существовали, они содержали бы в себе не зависящие от сообщества экспертов критерии корректности. Но тогда бы они были идеями в умопостижимом мире Платона.

Baker and Hacker vs Kripke: the old discussion revisited

A. Serikov

The Baker and Hacker's criticism of Kripke is not so perfect as it has been taken by many contemporary authors. The old discussion can be revised. Baker and Hacker miss the main point of skeptical arguments. Rule following is not a real problem for Baker and Hacker because they look at basic norms and meanings as absolutely transparent and obvious. However Kripke's account of rule following aims to understand how it is possible to take something for granted.

Key words: rule, rule following, rule skepticism, practice, norms, institutions, language, language-games, private language, individualism, collectivism, sense, meaning, sign, interpretation, action, behavior, Wittgenstein, Kripke, Baker and Hacker.